

PRO MEMORIA

Культура —
2004 —
22-28 июля — 1.5

Тема этого лета

“Андрей Тарковский” на “Культуре”

Просто так совпало — Московский кинофестиваль и очередной разгон НТВ, Н. Михалков, по-брежневски целующий М. Стрип, и убийство П. Хлебникова, снос дома А. Тарковского на Шипке и фильм “Андрей Тарковский” на ГТРК “Культура”.

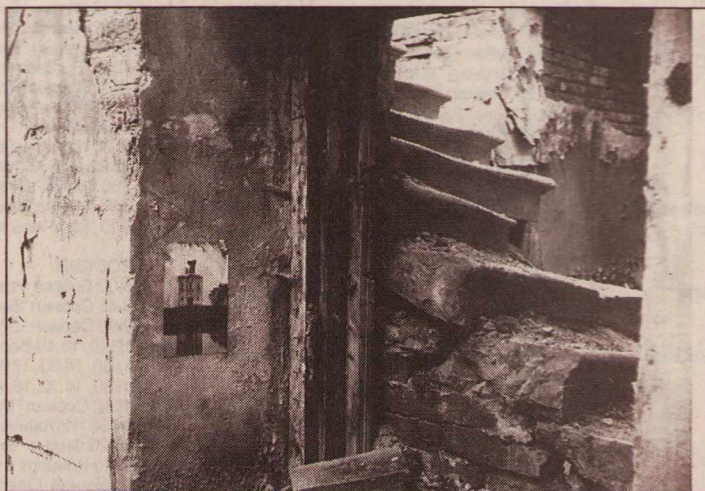
Эклектика, в полной мере определяющая тему этого лета, — “поиск некоего смысла, исходя из взаимоисключающих фактов”. И тут не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что таким образом смысл не будет найден никогда. Будет, скорее всего, обретено нечто совсем другое, не имеющее внятных мотиваций, но относящееся по нашей доброй традиции к области духовного и загадочного.

Действительно, зачем с точки зрения здравого смысла надо было превращать ММКФ в уикенд для отдельно взятых звезд и водить мусульманина Эмира Кустурицу поклоняться в храм Христа Спасителя временно находившейся здесь Тихвинской иконе Божией Матери, зачем надо было “до основания” разрушать один из самых рейтинговых российских телевизионных каналов, зачем надо было убивать журналиста, назвавшего и без того всем известными именами самых богатых граждан РФ, и наконец, зачем, спрашивается, надо было в течение последних почти 20 лет ту-по-равнодушно смотреть, как на Шипке превращается в руины дом, в котором жил человек, поставивший Россию в ряд великих кинематографических держав мира?

Впрочем, на последний вопрос ответ все-таки имеется — чтобы его (дом) снести!

В этом смысле документальный фильм (хотя точнее его было бы назвать телевизионной передачей) “Андрей Тарковский” В. Трояновского, показанный на канале “Культура”, как ни странно, дал ответы на некоторые вопросы, сформулированные выше. И в частности, на самый главный из них — “зачем?” Вернее сказать, предложил вариант ответа...

Как известно, впервые о Шипке в своей картине “Московская элегия” рассказал А. Сокуров. Тогда вдруг выяснилось, что мир, воспроизведен-

Интерьер дома А. Тарковского. Фото 1991 г.

ный в “Сталкере”, “Зеркале” и “Солярисе”, действительно существует, причем не где-нибудь, а в Москве, в Замоскворечье, в районе станции метро Павелецкая.

С одной стороны, это было потрясением, с другой — развенчанием мифа.

Значит, русские гении (не придворные режиссеры и художники-плакатисты, разумеется) вовсе не являются какими-то запредельными небожителями. Они — здесь, они среди нас, они живут в прокуренных московских коммуналках, пьют портвейн в подворотне с местной шпаной, плохо учатся в школе и институте, женятся, разводятся, снова женятся в надежде создать крепкую советскую семью и так далее. А если это так, то гениев у нас, слава Богу, много, потому что не оскудела земля русская ими. Соответственно, отряд вполне может и не заметить потери бойца (кто-то умирает в нищете, кто-то вынужден уехать за границу, кто-то не печатают, кому-то не дают снимать), потому что найдутся другие бойцы. В смысле гении...

В этой связи необычайно глубокими и оригинальными оказались рассуждения художника Ш. Абдусаламова в фильме “Андрей Тарковский”, в которых в полной мере раскрылась

трагическая незащищенность художника не только перед лицом режима (любого), но и перед самим собой. В частности, перед собственной одержимостью, а порой и безумием.

“За что они меня так ненавидят?” — недоумевал А. Тарковский, обивая пороги кабинетов вершителей судеб советского кинематографа. Теперь ответ видится достаточно простым — “за то, что именно в его присутствии они ощущали собственную тупость, бездарность, идиотизм, хотя он никогда не говорил им об этом!”

А зря, ей-богу, не говорил! Может быть, что-то и изменилось бы в их “чугунных головах”? Хотя вряд ли...

Бесспорной удачей В. Трояновского (автора документального цикла “Острова” на “Культуре”, лауреата “ТЭФИ”) стал “синхрон” с М. Тарковской. Кроме общеизвестных и полагающихся всякому гению черт — задумчивость, погруженность в себя, “странность”, — монолог сестры великого режиссера открыл и то, о чем говорить раньше было как-то не принято, — надменность, отчужденность, порой переходящую в жестокость, замкнутость Андрея Арсеньевича.

Понятно, что чужая семья, как и чужая душа, — потемки. Понятно и другое: чем больше времени проходит со дня смерти Андрея Тарковско-

го, тем мифологичнее становится и сама его личность, и его творчество. Так, на смену одной крайности — “подл, подл, как и мы!”, приходит другая — велик во всем, даже когда незаслуженно обижал и предавал друзей.

Что же касается “подлости”, то тут, как думается, уместно вспомнить слова Александра Пушкина — “врите, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе”.

Так, фильм В. Трояновского в очередной раз утвердил в мысли, что в жизни и после смерти Тарковского в полной мере отразилось истинно российское (даже не советское) отношение к личности вообще и к человеку, отмеченному “печатью Божией”, в частности. Ну не давали снимать кино, у нас и других творцов предостаточно. Ну разрушили дом, так мы и другой построить можем. Ну убили журналиста, их и так развелось Бог знает сколько. Ну разогнали телевизионный канал, так скоро новый на его месте появится...

Тут уместно вспомнить слова Петра Чаадаева о нашей удивительной “беспамятливости”, которую очень часто предпочитают путать с “широтой”, мол, всего у нас много, ничего не жаль. И жизнью, следует заметить, и судеб человеческих не жаль ни сколько!

Убили, выптали, посадили, наказали, забыли, и все лишь для того, чтобы потом (даже и через столетия) искать ответ на тот самый вечный и маргинальный русский вопрос — “а зачем?”

“Молчит, не дает ответа”, кажется, так говаривал Николай Гоголь, когда в пушловом восхищении наблюдал за неистовым бегом “Руси-тройки”. И действительно, ответа на этот вопрос в России в принципе не существует. Может быть, потому, что, говоря словами Сталкера из одноименного фильма, “прямой путь не всегда бывает самым коротким”. А мы, как известно, никогда не искали прямых, читай, легких путей...

Максим ГУРЕЕВ
Фото автора